Артур Конан Дойл

На заслуженном отдыхе

Часть сборника
Все приключения Шерлока Холмса

Архив Шерлока Холмса

Артур Дойл

На заслуженном отдыхе

«АСТ»
1926

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Дойл А. К.

На заслуженном отдыхе / А. К. Дойл — «АСТ», 1926 — (Архив Шерлока Холмса)

«В то утро Шерлок Холмс пребывал в философско-меланхолическом настроении. Его активная, деятельная натура иной раз давала такую реакцию. – Видели вы его? – спросил он. – Старика, который только что вышел от вас? – Именно. – Да, мы столкнулись в дверях…»

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Дойл А. К., 1926
© АСТ, 1926

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 8

Артур Конан Дойл
На заслуженном отдыхе

В то утро Шерлок Холмс пребывал в философско-меланхолическом настроении. Его активная, деятельная натура иной раз давала такую реакцию.[1]

– Видели вы его? – спросил он.

– Старика, который только что вышел от вас?

– Именно.

– Да, мы столкнулись в дверях.

– И что вы о нем скажете?

– Жалкое, никчемное, сломленное существо.

– Именно, Уотсон. Жалкое и никчемное. Но не такова ли наша жизнь? Разве его личная история – не слепок с общего? Мы к чему-то тянемся. Что-то хватаем. А что в итоге остается у нас в руках? Призрак. Или того хуже: беда.

– Это один из ваших клиентов?

– Пожалуй, можно сказать и так. Его направили ко мне из Ярда. Знаете, как врачи иной раз посылают неизлечимых больных к знахарю. Ход их рассуждений понятен: сами мы больше ничего сделать не можем, а больному все равно хуже не будет.

– А что случилось?

Холмс взял со стола довольно засаленную визитную карточку.

– Джосайя Эмберли. В прошлом, по его словам, младший партнер компании «Брикфол и Эмберли», изготовляющей товары для художников. Вы могли видеть эти имена на коробках с красками. Он сколотил небольшое состояние, отошел от дел, когда ему исполнился шестьдесят один год, купил дом в Льюишеме и поселился там, чтобы насладиться отдыхом после многих лет неустанного труда. Казалось бы, этого человека ждало обеспеченное будущее.

– Да, действительно.

Холмс быстро пробежал глазами свои заметки.

– Ушел на покой в 1896 году, Уотсон. В начале 1897-го женился на женщине, которая на двадцать лет моложе его. Симпатичной женщине, если верить фотографиям. Достаток, жена, свободное время – казалась бы, прямая дорога к счастью. Но не проходит двух лет, и он, как вы сами видели, самое несчастное и забитое существо, какое только копошится под солнцем.

– В чем же дело?

– История старая как мир, Уотсон. Вероломный друг и ветреная жена. У этого Эмберли, насколько можно судить, есть одно-единственное хобби: шахматы. В Льюишеме, неподалеку от него, живет некий молодой врач, тоже шахматист. Я записал его имя: доктор Рэй Эрнест. Этот Эрнест частенько бывал в доме Эмберли, и не приходится удивляться, если у него завязались близкие отношения с миссис Эмберли: согласитесь, наш незадачливый клиент не может похвастаться внешней привлекательностью, какими бы внутренними достоинствами он ни обладал. На прошлой неделе парочка скрылась в неизвестном направлении. Мало того, в качестве ручного багажа неверная супруга прихватила содержимое сейфа старика, в котором хранилась львиная доля всех его сбережений. Сможем ли мы найти женщину? Сможем ли вернуть деньги? Вроде бы банальная проблема, но для Джосайи Эмберли – дело первостепенной важности.

– Что вы намерены предпринять?

---

[1] © Перевод. В. Вебер, 2012

– Видите ли, мой милый Уотсон, в сложившейся ситуации вопрос должен звучать: «Что намерены предпринять вы?», – если, конечно, вы согласны заменить меня. Вам известно, что я сейчас всецело занят делом двух коптских патриархов и как раз сегодня жду его развязки. Мне, право же, не выкроить времени на поездку в Льюишем, а ведь улики, собранные на месте события, имеют особую ценность. Старик всячески уговаривал меня приехать, но я объяснил ему, в чем сложность. Он готов принять моего представителя.

– Я к вашим услугам, – ответил я. – Честно говоря, не думаю, что от меня будет особая польза, но сделаю все, что в моих силах.

И во второй половине прекрасного летнего дня я отправился в Льюишем, не подозревая, что не пройдет и недели, как дело, которое я взялся расследовать, будет с жаром обсуждать вся Англия.

Лишь поздно вечером я вернулся на Бейкер-стрит с отчетом о своей поездке. Худая фигура Холмса вытянулась в глубоком кресле, кольца едкого табачного дыма медленно поднимались над трубкой, веки, чуть ли не полностью закрывавшие глаза, создавали впечатление, будто он спит, но стоило мне запнуться или неудачно построить фразу, как опущенные веки приподнимались и серые глаза, сверкающие и острые как рапиры, вонзались в меня пытливым взглядом.

– Усадьба мистера Джосайи Эмберли зовется «Гаванью», – начал я. – Я думаю, вас это заинтересует, Холмс. Прямо-таки обедневший аристократ, вынужденный ютиться среди простолюдинов. Вам ведь такие места знакомы: улицы, застроенные одинаковыми кирпичными домами, разбитые дороги, и в гуще всего этого крохотный островок древней культуры и уюта, старинная усадьба, огороженная высокой, растрескавшейся от солнца, в пятнах лишайника и покрытой сверху мхом стеной, которая…

– Без лирики, Уотсон, – строго перебил меня Холмс. – Все ясно: высокая кирпичная стена.

– Именно. Я бы не догадался, что это и есть «Гавань», если бы не спросил какого-то бездельника, который курил на улице. Высокого, черноволосого, с большими усами и, как мне показалось, с военной выправкой. В ответ он мотнул головой в сторону нужного мне дома и почему-то окинул меня пристальным, вопросительным взглядом, который припомнился мне чуть позже.

Едва ступив за ворота, я увидел, что мне навстречу по подъездной дорожке идет мистер Эмберли. Еще утром мельком взглянув на него, я заметил в нем что-то необычное, теперь же, при свете дня, его внешность показалась мне еще более странной.

– Я, разумеется, знаю, как он выглядит, – вставил Холмс, – но интересно послушать ваши впечатления.

– Он выглядит так, будто заботы в буквальном смысле слова пригнули его к земле. Спина сгорбилась под бременем этой тяжкой ноши. Однако он вовсе не так немощен, как мне показалось на первый взгляд: плечи и грудь у него богатырские, хотя переходит этот мощный торс в сухие, тонкие ноги.

– Левый ботинок морщит, правый – гладкий.

– Этого я не заметил.

– Вы, разумеется, нет. Зато от меня не укрылся его протез. Однако продолжайте.

– Меня поразили эти космы сивых волос, которые вылезали из-под старой соломенной шляпы, исступленно-неистовое выражение лица, изрезанного глубокими морщинами.

– Очень хорошо, Уотсон. Что он говорил?

– Он принялся рассказывать мне историю своих злоключений. Вдвоем мы прошли всю подъездную дорожку, и я, разумеется, во все глаза смотрел по сторонам. Никогда не видел столь неухоженного места. Везде сорняки, все растет, как придется, повинуясь велению при-

роды, а не искусству садовника. Ума не приложу, как только добропорядочная женщина могла такое терпеть. Оказалось, что и дом запущен до последней степени. Бедняга, видно, и сам это чувствовал и пытался как-то поправить дело. Во всяком случае, в левой руке он держал толстую кисть, а посреди коридора стояла большая банка с зеленой краской. Перед моим приходом он взялся за покраску.

Он повел меня в свой обшарпанный кабинет, и мы долго беседовали. Конечно, он огорчился из-за того, что вы не приехали сами. Сказал: «Я не слишком и надеялся, в особенности после того, как понес столь тяжелые материальные потери, и теперь моя скромная персона едва ли сможет привлечь к себе внимание такого знаменитого человека, как мистер Шерлок Холмс».

Я заверил его, что финансовая сторона вопроса совершенно не при чем.

«Да, конечно, – отозвался он, – он этим занимается из любви к искусству, но, возможно, в моем деле для него как раз нашлось бы кое-что артистическое. По части человеческой природы, доктор Уотсон, и черной неблагодарности, на которую она способна! Разве я хоть раз отказал ей в чем-нибудь? Более избалованной женщины просто не найти. А этот молодой человек – я относился к нему как к собственному сыну. Здесь он чувствовал себя как дома. И посмотрите, как они со мной обошлись! Ах, доктор Уотсон, это ужасный, страшный мир!»

В таком духе он изливался мне час, а то и больше. Он, оказывается, ничего не подозревал об их романе. В доме жили только он и жена, служанка приходит каждое утро и уходит в шесть вечера. В тот памятный день старик Эмберли, решив доставить удовольствие жене, взял два билета в театр Хеймаркет, на балкон. В последний момент она пожаловалась на головную боль и отказалась ехать. Он поехал один. Сомневаться в этом, по-видимому, нет оснований: он показывал мне неиспользованный билет, который предназначался жене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.